

Мениск

То синий, то красный, то зеленый мерцающий свет обнажал суть вещей. Пространство немного изгибалось по краям обзора, свет менял свой цвет, как бы фиксируя текущий модус вселенной разными красками.

Я созерцал эти переливы, я созерцал, что свет открывал для меня в этой реальности. Передо мной на диване сидели двое. Она (ангел?) прямо передо мной, а он (банкир!) – чуть правее.

Светел и чист был лик её, в то время как черты банкира были безобразны, а сам он очевидно был слаб мышцами и тела, и души.

Что-то происходило со временем в этом месте. Казалось, я часы напролет смотрел на колышущуюся ворсинку на одежде ангела, хотя всего лишь тысяча двадцать четыре трапециевидных импульса пробегали внутри одного мгновения, и проходили только тридцать три стадии ревности ее мужа, который в этом помещении сейчас отсутствовал.

От бесплодной вечности мне стало не по себе.

Чтобы попытаться ускорить время, я встал и начал движение. Это помогло – действительно, время запустилось. Вместе с ним тысячи мыслей, которые ждали выстроившись в очередь, теперь слетелись стаяй в сознание и мгновенно заполнили его шумом.

Я ловил каждую, как небольшую рыбку, снимал с крючка своего внимания и отпускал. Некоторые мысли, их узоры и чешуя поражали меня, словно они принадлежали не мне, а какому-то авиаконструктору начала двадцатого века.

Я шел и думал:

– Рысканье приводит к девиации, в то время как каждый шаг удаляет от абстрактной ели и приближает появление конкретной туи.

Напомнило о себе правое колено. Не иначе, приближается

непогода и старость. Состариться мне хотелось с Элиной.

Моего ангела звали Элина.

Вместе со стаей мыслей воплотились из букв и звуков воспоминания, имена, бирки. Я обнаружил, что в комнате не только мы с Элиной и Ипатий. Я смотрел на них, их имена – или, быть может, псевдонимы – складывались из летающих сверкающих букв смутно знакомого алфавита, как в какой-то детской игре, развивающей речь.

– Стронций, – продекламировал Ипатий Геронтиевич и странно покосился на Виссариона. Тот отпрыгнул и скривился как будто увидел таракана.

И хоть я поднялся и стал активным участником происходящего, одновременно я все еще находился в недавно покинутой вечности, слушая громадные не вполне понятные мысли-киты, принадлежавшие древнему божеству, наблюдая суть, глядя на самого себя со стороны, и неизменно перемещая фокус внимания в сторону Элины, проникая взглядом куда-то на молекулярный уровень, тёк алкогольной кровью к ее сердцу, потом от сердца вниз, к животу, и дальше. Одновременно её ушами я слышал Ипатия Геронтиевича, хотя понимал, что сейчас внесуцностный конгресс, надрывая дискурс, сражается с предметом бессловия, где на абсолютной чужбине сверкают ледяные паутинки запрещенного паукообразного облака. Это облако в былые времена было ручьем горьких слез моей будущей дочери.

Тем временем банкир Ипатий Геронтиевич приспособился к дивану, принял важный вид, дабы создать впечатление влиятельного, возможно – умного – человека. Ромбы и зигзаги на его галстук поблескивали своими контурами, и он еще раз кивнул, на этот раз медленней:

– Да-да, пиши, Элиночка. Должно подойти. Сы ты ры он цый. Раз, два, три, пять, семь, восемь букв, – гундосил он, загибая пальцы.

Неужели продолжается в этом мире какая-то вера в числа? Разве не заповедал я не верить им? Разве велел считать? Иное было в словах моих, и в жестах, и во взглядах.

Семейные обстоятельства порой вынуждают идти на разведку, но теперь не видно горизонта.

Бескрайние просторы ограничены туманом, и мы никогда не можем быть за ним. Затуманность каждого покоится за одной из касательных эпюры давления на сознание человека во время совещания с самим собой Главным, самим собой Честным и самим собой Желаящим. Простынь бессознательного тогда комкается, пачкается и порою рвется.

– Стронций не подходит, – скучающим голосом ответила Элина.

Свет от люстры был скуден, тускл. Однако чудесным образом все лучи сходились на ней, делая её очарование еще волнительнее. Элина была осенью – яркой, чарующей. И моей, хоть я ею никогда не обладал.

Думаю, Виссарион был доволен всем. Туя теперь служила ему источником тени. Я же снова был внутри себя и проговаривал связанные в запредельных слоях логики словосочетания. Случайно я уловил собственный внешний поток и изумился, ибо то были мысли незнакомого мне человека:

– .. следует совершать ошибки, чтобы защитные улыбки проецировались не на зеркало, а на забрало, и слишком мало великолепия в цепи каждодневных понедельников, быть кочевником с...

Я прервал себя и приступил ко вдоху. Вновь увидел паукообразное облако, вновь ощутил, как изначальные существа, которые когда-то были молодыми и искали свои отражения в ручье горьких слез, теперь рассыпались в небе.

Муж Элины, Панкратий, вернулся из длительного похода то ли на балкон, то ли в туалет, и сдержанно выразил мнение, что кроссворд – забава весьма неинтересная. Элина отложила его на тумбочку.

Панкратий направил мутные, белёсо-голубые, полные ревности глаза на меня, я же видел остров новых надежд, я видел робкие начинания будущего, и рисовывал их себе в память, чтобы потом

применить строго в соответствии с трехуровневой формулой. Каждый росток давал всходы – это заставляло меня сейчас растекаться кровью внутри Элины: прекрасное лицо ее порозовело, румянец тронул даже кончики очаровательных ушек.

– Что ж, Панкратий, как разведка? – поинтересовался одутловатый банкир.

– Милиция стоит у второго подъезда, – отлепив от меня свой неприязненный взгляд, произнес Панкратий.

Кажется, волокна ткани нашей с Элиной общности начали натягиваться и лопаться. Она заговорила с мужем, я же кочевал то ли по степи, то ли по полю, то ли по пустыне, то ли по мегаполису. Всюду пусто.

Снуют медузоподобные тени. Мальчики с клеем. Ветер. Костер никак не зажжется. Компас сошел с ума. Кроткая попытка стать полюсом была вознаграждена вселенской злобой и ухудшением моего характера. Зато я подарил компас своей будущей дочери, чтобы она знала, как меня найти.

Виссарион захрапел. Это внесло новые краски в эмоциональную обстановку общей беседы. Впрочем, мне надоело быть вентилятором разговора, и я решил переквалифицироваться в простую мельницу. Однако ветер был только в тех краях, где костер потух, а кострище едва теплилось.

Что-то ожидало меня. По-прежнему все ждали, чтобы молчание перестало вещать в рупор храпа, разглядывая потолок, диван, тую, ёлку, батарею, меня. Кажется, я был интересней всего, потому что ловил своим телом больше взглядов, чем даже Виссарион. Я не мог определиться, приятно это или нет.

Она посмотрела в мои глаза, и вновь мы сделались близкими, я опять чувствовал давление в ее ножках, ручках, горле, голове. Не было в этом ни приглашающего флирта, ни жеманного кокетства. Элина была искренна и спокойна, и я читал в ее глазах всё, а наклон бровей и цветовые нюансы щек объясняли мне, что муж ей осточертел, и что она хочет быть со мной, но не будет.

Наконец, Ипатий Геронтиевич сказал, что курс нынче очень

скачет и в этом-то вся и беда. Каждый поддакнул, даже я сказал, что скакун из него никудышный. Все, кроме, Виссариона, поглядели на меня выжидательно. Я махнул рукой, будто отгонял назойливых мошек и устремил взор в окно.

Панкратий спросил у жены якобы тихо, но на самом деле излишне внятно, не желает ли она вместе с ним удалиться из квартиры. Я приготовился к худшему, но продолжал смотреть на улицу, прислушиваясь к шепоту волн и к рокоту приближающегося цунами, но, не смея отвлечься от звуков комнаты, где пока стоял лишь рокот храпа, схожий с ворочаньем штормовых волн.

Тихое «нет» обрушило на меня галлоны облегчения, я окунулся в океан, который стал мной. Сфера тишины сошлась на мне, и я начал смотреть немое кино. Ипатий Геронтиевич важно открывал и закрывал рот, изредка застывая с раздутыми щеками и изображая, будто слушает ответы Элиночки или Панкратия.

Поверхность сферы моей тишины начала искажаться, деформироваться, и я услышал арфу и далеких жаб с неведомого болота, которое, быть может, теплилось в холодных глазах Панкратия.

Наконец, я перестал видеть Ипатия Геронтиевича и двух людей, которые в действительности были друг другу совершенно незнакомы и неизвестны. Я не знал прежде те формы, что лицезрел теперь, но прежде я смутно догадывался о чем-то таком, и было приятно теперь наблюдать и любоваться.

Арфа незаметно стала каким-то металлическим лязгом, жабы стали мотором. Я обрастал очевидным желанием быть кому-то необходимым. Стоило задуматься о тех событиях, что ожидали меня в будущем, как начинала ныть правая коленка, что отнюдь не означало, что меня ждет долгий путь или, допустим, бои без правил. Скорее это значило неприятие интерференции, которая из будущего доходила неестественными красками и блеском. Мой мозг, казалось, с каждым новым стуком сердца увеличивался.

Коленка начала проходить. Формы прекратили мельтешить, танцевать и строиться. Сквозь них мне открылся унитаз.

Когда я освободился от лишнего, когда стало оно прошлым и враз забытым, мне вернулся праздник. Прямые линии изгибались и

вертелись, дробились, утолщались и сужались, а сузившись, сквозь образованную ими марлю, позволили заметить, как жестом предлагал мне присесть, с трудом отталкивая тяжелые свои щеки уголками толстых губ, банкир Ипатий.

Виссарион уже не спал, не дремал, но бодрствовал и лил жидкость из сосуда такого типа, в которых обыкновенно держат водку.

Элины и Панкратия в комнате не наблюдалось. Ипатий Геронтиевич заверил, что в квартире оные молодые люди уже отсутствуют, что сам руками своими закрыл за ними дверь, проводил, что сам же открыл Эразму и Аглае.

Упомянутые находились тут же, где ранее размещались покинувшие мою обитель молодожены, и махали мне нарочито сильно, с большим диапазоном колебаний рук-маятников. По всему было ясно, что подозревают они во мне пьяного.

О них мне было известно, что где-то в четвертом часу они ушли, обещаясь вернуться скоро, и, судя по их счастливым физиям, все это время, где-то празднично уединялись.

Вокруг Аглаи искрилось туманное сияние, схожее с сиянием Элины, что ассоциативно вызвало у меня видение ангела, тусклое и уплывающее. Я восполнил запас слез, выпив со всеми из рюмок горькую горячительную жидкость.

Соленый огурчик захрустел под моими крепкими зубами забавно преображая речь Эразма: «Я опять к нему тянусь губами с хухткр хырткх. А он оголил курч-кыст. На этом мы начали чуф крыт крыж шткрымт».

Я почесал глаза, но стоило мне их на секундочку прикрыть, как тут же вспыхнули числа, с помощью которых требуется привести Вселенную в порядок. Чисел было много, и каждое необходимо было запомнить, иначе можно допустить ошибку и переместить небо или вылить океан на луну, или же надеть на дом намордник, или же заставить человека на тридцати семи с половиною ногах ходить, а то и бегать, и не исключено было, что круговорот завершился бы, что курица стала бы яйцом, что палка стала бы об одном конце. Да и кабы спутать число какое, то можно не увидеть в себе зеркало, не познать в своей жизни семьдесят восьмой

женщины. А ежели не познать в своей жизни ее, то и смысла-то нет в огурчиках, сиянии, изначальных тварях и т.е. Числопад зачастил и закончился нулем.

Аглая улыбнулась своему Эразму, а тот ее приобнял. Я почувствовал себя одиноким и депрессивным. Сделалось гадко, поэтому я пустился в пляс. Как раз звучала незамысловатая музыка.

Танцевал недолго, но повеселел изрядно. На душе потеплело.

Предо мною предстали три девы красоты неписанной. Хотя я бы их портреты написал бы в обязательном порядке, если бы был художником. Пели песни сладкие, сахарными устами мне улыбались игриво, подмигивали многозначительно.

Потом исчезло все, и обнаружил я себя, сидящего на кресле и глядящего в выключенный экран телевизора.

– Андроник, – обратился ко мне Эразм, – не втыкай ты в ящик. Расскажи что-нибудь. Давно тебя не видел.

Но страстного желания говорить у меня не было, о чем я попытался промычать. В моих думах возникли новые цепочки и связи, глубина и объем которых сразу не проглядывались; я только чувствовал, что это новая многомерная мысль, из которой родится многомерное действие, смаковал отдельные ее, этой мысли, грани и ребра, и наполнялся нетерпеливым ожиданием. Еще я думал затылком, что такой объем поглотил меня не спроста, что только тогда, когда выпустил из себя образ Элины, вслед за числами сюда пришло прежде чуждое, но теперь свое, родное, единственное и огромное.

Затылок мой, когда я вскользь обратил на него внимание, покоился на подушке. Виссарион рассказывал матерные стишки, остальные смеялись.

Зазвонили в дверь.

Колокола на огромной башне трезвонили всё громче. Батюшка в рясе, с крестом на шее раскачивался на веревках, подвязанных к их языкам, хохоча и дрыгая ногами.

Церковь на фоне якорей, торчащих из земли то там, то тут, освещалась закатным сиянием, была особенно загадочной,

мистической и таинственной. Потом она превратилась в узор на обоях, изображающих пляж, и я отвел от обоев взгляд, встретив им посреди комнаты новоприбывших.

То были Андрей и Петр. Оба трезвые как линзочки Френеля, унылые и усталые, они поприветствовали всех присутствующих. Возник разговор, но по маломасштабной экспоненте стих на нет.

Из разговора стало ясно, что год они встретили у Михалыча, о чем жалеют и раскаиваются. Посчитав отсутствие реакции с моей стороны добрым знаком и высшим актом всепрощения, оба сначала присели размашисто, а после устроились в положении, близком к горизонтальному и тихонько засопели.

Меж тем радостные Эразм и Аглая завели разговор о способах вхождения в состояние нирваны. Каждый делился тем, что он когда-либо читал, слышал, видел, со всезнающими эзотерическими интонациями, а я, как обычно во время таких мистерий, посмеивался про себя, сам делая лицом эзотерическую задумчивость и вспоминал предыдущее свое погружение в ноль. Как удавы ели друг друга, превращаясь в одного, как тот крутился внутри огромной женщины, давая ей жизненную энергию, и как женщина смотрела по сторонам на крошечных людишек и бесконечно бормотала себе в нос низким голосом «ты мой муж», давя их своими шестипалыми ножищами. Я был среди них, и мне хотелось, чтобы нога судьбы раздавила и меня. Но огромная женщина ступала медлительно и мимо, будто специально игнорируя. Ее пренебрежение скоро надоело, и когда я со скуки принялся рассматривать людишек вокруг себя и себя самого, то заметил, что я побольше да посветлей, нежели остальные камарупы.

Тогда оторвал у впереди стоящего голову и съел ее. Во мне прибавилось сил и весу. Да и от скуки не осталось и следа. Тут же стало интересно и голодно. Appetit страшный. Съел всех соседей, но и на этом не остановился. Все рос и ширился я, и мой аппетит со мной. Когда, наконец, вырос размерами вровень с женщиной, она меня заметила, потянулась ко мне, но я был проворней и резким движением руки вырвал закольцованного змея из ее живота. Женщина рассыпалась светом, а удава я съел, и слишком поздно до меня дошло, что я не женщина, что змей раскольцует и сожрет меня изнутри. Так и случилось, я, наконец, стал ничем. Абсолютное ничто. Абсолютное все.

Поле. Пшеничное. Стебли ходят туда-сюда, колышутся волнами. Дует ветер. Это я дышу глубоко, размеренно. Волосы Андрея шевелятся, треплются, вьются. Длинные волосы. Светлые.

– Видал, Андроник, что у меня есть? – Виссарион держал в руках фрукторезку с идиотски горделивым выражением лица.

Что творилось в голове Виссариона, понять даже приблизительно было невозможно. Радости его были беспричинны, рассуждения путаны, сам он был дальтоником и человеком вздорным.

Чтобы Виссарион отстал, я проигнорировал его вопрос и пошел поближе к обществу Эразма, Аглаи и неизменного Ипатия.

Ипатий Геронтиевич после жуткого Виссариона казался благороднейшим, просвещенным мужем с тремя высшими образованиями. Чтобы влиться в общение, я его перебил и сообщил, что скоро уже полдень, и что скоро всё изменится. Все понимающе кивнули, а Аглая спросила, не осталось ли мандаринок. Я пошел искать – уж больно растрогал меня вопрошающий ее взгляд.

На кухне у холодильника я обнаружил лужу неизвестного происхождения. На нижней полке холодильника валялся недочищенный мандарин, который я стал на ходу дочищать и возвратился, протягивая его внутреннее тельце Аглае, а сам стал поглядывать часы.

Покуда я ожидал временной константы, ускорение времени становилось отрицательным. При тщательном рассмотрении окружающей энтропии, я выяснил для себя, что приращение плотности информационного потока визуально становилось бесцветным, редким и квелым. Секундная стрелка лениво пружинилась на месте, а затем тащилась к следующей отметке.

– Вот куулллёоммаа... – медленно подумал я и решил отправить внутреннего созерцателя на следующий энергетический уровень, которому свойственна частота в сотни раз превышающая нормальную.

Мне удалось моргнуть, и стрелка перестала лениться. Мое состояние становилось теперь прозрачным, но не банально

умиротворенным. В каждом я узнавал что-то хорошее и красивое. Внутренним обонянием я вдыхал симфонию запахов цветов, прорастающих в каждом; ощущал любую легкую вибрацию тончайших мембран. Я немного гордился собой, поскольку лично участвовал в проектировании и создании этих мембран из материала, синтезированного из паукообразного облака.

Но я не уполномочен чистить сосуды, к горлышкам которых крепятся мембраны. Я могу лишь догадываться, в какую сторону направлен мениск соприкосновения их содержимого. Хотя раньше я легко разбивал и менял эти сосуды на более новые...

Слегка выныривая из ядра своей сущности, чтобы поразиться миру, я выхватывал остановившиеся картинки: Эразм с улыбкой до ушей, Аглая в красочном сиянии, глядящая в сторону Эразма, Ипатий с открытым ртом и закрытыми глазами, Виссарион, открывающий бутылку вина фрукторезкой вместо штопора, Андрей, накрывший пледом всего себя с головой, и, свернувшийся калачиком около ели, Петр, вытесненный с дивана Андреем.

Снова часы. Без одной минуты двенадцать.

До моих ушей донесся звук будильника из телефона. Он нарастал, я трезвел, пробуждался, приходил в себя. Все, кроме Петра и Андрея, бросали взгляды на часы, меня, друг на друга, и принялись, в конце концов, осматривать каждый самого себя.

Мы начали возбужденно делиться впечатлениями. Правда, ничего вразумительного в этой многоголосице не определялось.

От шума проснулся Андрей, хотел было повернуться на другой бок, но любопытство взяло верх. Он потер лицо пьяным манером, приподнялся на локтях и своим сонным баритоном спросил: «Что случилось?». Все на секунду замолчали, а затем рассмеялись. Смеялся и я. Нервный такой смех. Нездоровый. Руки немного дрожали.

Смех перешел в болезненное хихиканье, и никто из нас не мог полностью остановиться. Я налил себе соку и, несмотря на то, что обычно при таком заразном смехе пить ничего не получается, и даже опасно, я его выпил, и был первым, кто успокоился. Увидев, как я смог сдержать приступы хихиканья, мои друзья последовали моему примеру.

Андрей хотел что-то еще сказать, но я перебил его, понимая, что его реплики будут вызывать в нас смех:

– Кто расскажет о себе?

– Ух!.. – начал веско Филипп и завис на пару секунд, – тут неясно, с чего начать. Да и получится ли у...

– Я был императором, – перебил Игорь, – сидел на троне и управлял миром. В основном. Бывало еще, я превращался в пингвина, и мы всей стаей катались по коже от мандарина как по снегу, ныряли в океан.

– Удивительно, что обо всех думал только в игровых именах, – сказал Филипп, и эти слова заставили меня удивиться, ведь то же самое было и со мной, но теперь у меня едва выходило вспомнить, кто какое имя носил.

– Я был астрономом, который стал космонавтом. Искал звезду. Звездой оказалась Настенька, - признался Коля.

Они поцеловались.

– А я, – тихим голосом сказала Настя, – была косточкой внутри неизвестного фрукта. Всё ждала, когда попаду в благодатную почву и...

– А я был нефтяником. При чем в Африке. И еще я умел летать, – высказался Дима.

– Ну, а я был богом и может быть авиаинженером – сказал я и набрал номер Нины. Она не взяла. Ее мужу мне звонить не хотелось.

Андрей прокашлялся и матерно сообщил, что ничего не понял.

– Нужно было праздновать с нами, а не у Михалыча! – осуждающе ответил я.

Он пропустил мимо ушей мой тон и сменил тему:

– А что это за бейджики? Андроник...

Я снял свой бейдж, положив на тумбочку. Следом за мной начали класть свои бейджи остальные. Андрей комментировал:

– Ипатий Геронтиевич... Эразм... Аглая... Виссарион... Какая-то греческая ролевая игра? – говорил Андрей, смеясь.

– Нам посоветовали этот набор имен, – ответил я и посмотрел на то место, которое освободила, чтобы положить свой бейдж на тумбу, Настя. Чуть дальше, на шторе, неизвестно кто подвесил гирлянду, которая плавно меняла свой цвет с красного на зеленый и синий.

– Кто посоветовал? – спросил Андрей.

– КОМ, – ответил я, – Клуб Объемного Мыслезвучия.

Я пытался вспомнить всё, что со мной происходило, но это было похоже на попытку вспомнить сон. Получалось отрывочно.

Андрей спрашивал что-то еще, ребята отвечали ему.

Настя села на свое место. Мерцание гирлянды причудливо обрамляло силуэт и делало ее более объемной.

– Ладно, ладно... Понял, – так ничего и не поняв, сказал Андрей, – Вы мне вот что объясните – зачем вам туя и искусственная ёлка? Не многовато? Тоже ком посоветовал?

– Да это в одиннадцать часов, за час до Нового Года, Ване стукнуло в голову, что без елки нельзя. Ну, мы и пошли на рынок искать, может, заваялась какая-никакая ветка, – объяснял я.

– И что?

– Не нашли ничего. По дороге подошли к туе, Ваня верхушку отломал и засунул под куртку.

– Зачем?

– Штрафы знаешь какие?! – бойко ответил Иван.

– И пришли сюда. А тут уже елка эта стоит. Керзовский сбегал домой за ней.

– А где, кстати, Керзовские-то?

– У Керзовского, кажется, что-то с животом случилось, они с Ниной и ушли – сказал Игорь.

– Интересно, что они переживали и кем были, – произнесла Настя.

Заворочался и проснулся Петр.

Пошел новый круг разъяснений, а я переместился на балкон покурить. Ныла правая коленка, тем самым организм показывал, как ему необходим сон, но я прекрасно понимал, что даже останься я один, чего очень хотелось, я не смогу уснуть из-за этой же коленки.

Не спеша я докурил сигарету, выбросил тлеющий бычок и закрыл окно.

На запотевшем стекле, изготовленном с нарушением технологии, на котором осенью я обрисовал выпуклости, пузырьки и прочие дефекты, похожие на сердечки, думая о Нине, образовалась мутность, слегка прихваченная морозом. Она напоминала очертаниями паука в центре паутины. Сквозь этот узор я увидел, как по заснеженной улице в сторону моего дома медленно идет в своей желтой шапочке Нина, совершенно одна, по вытоптаным неровным дорожкам, которые совпадали с нарисованной паутиной.

Я смотрел на Нину и на свое полупрозрачное отражение, не узнавая себя, ничего не чувствуя, кроме пульсирующей боли в колене.

Виктор 78, 2009-2022 гг.